

Посвящается Фокс

Тот, кто посмотрит с улицы через окно на освещенную комнату, увидит гораздо меньше, чем тот, кто заглянет в окно, закрытое шторой. Нет зрелища более сокровенного и таинственного, более возбуждающего фантазию, более изощренного и завораживающего, чем окно, освещенное изнутри свечой. То, что можно увидеть снаружи при солнечном свете, не настолько интересно, как то, что происходит по другую сторону оконного стекла. Там, в этом черном квадрате или в его освещенной глубине, сама жизнь живет, мечтает и страдает.

Шарль Бодлер

от автора

Эта невыдуманная история. За восемь лет я провела тысячи часов с женщинами — героинями этой книги: я общалась с ними лично, разговаривала по телефону, писала им сообщения и электронные письма. Дважды я переезжала в другие города, к моим героиням, и жила там, чтобы проникнуться их повседневной жизнью и понять ее. Многие моменты, описанные в этой книге, были пережиты мной лично. Но, если приходилось рассказывать о событиях прошлого или о том, чему мне не довелось быть свидетелем, я полагалась на воспоминания женщин, их дневники и письма. Я разговаривала с их друзьями и родственниками, следила за их аккаунтами в социальных сетях. Но чаще основывалась на материалах из личных бесед с ними.

Я использовала судебные документы и статьи из местных газет, общалась с репортерами, судьями, адвокатами, следователями, коллегами и знакомыми — чтобы сопоставить по времени и подтвердить события.

Почти все цитаты взяты из юридических документов, электронных и обычных писем, стенограмм и интервью с тремя женщинами и другими персонажами книги. Единственное исключение — это сообщения и письма, которые уже недоступны. В таких случаях приходилось довольствоваться рассказами о них из разных источников.

Мой выбор этих трех женщин основывался на актуальности и остроте их историй, а также на цепочке событий, произошедших в прошлом и повлиявших на их дальнейшую жизнь. Я беседовала только с теми, кто был готов бесповоротно раскрыть мне свои истории под запись. В процессе работы несколько женщин испугались предельной откровенности, которой я добивалась, и отказались от участия в проекте. У других героев в этом тексте нет собственного голоса, потому что эти истории принадлежат тому, кому принадлежат, — трем женщинам. Но я решила защитить и тех, чьи голоса не слышны: я изменила почти все имена, места действия и характерные детали в двух историях, которые пока еще не стали публичными: имена тех, кто не играл никакой общественной роли, а также тех, кто в то время был несовершеннолетним.

Я убеждена, что эти истории донесут до людей жизненно важную вещь: правду о женщине и ее желаниях. Конечно, речь идет о трех конкретных женщинах, о трех отдельно взятых и изложенных в письменном виде судьбах. Истории бывают разные. Но эти истории — их.

пролог

Когда моя мама была молодой, каждое утро по дороге на работу ее преследовал мужчина. Он придерживался расстояния в пару шагов позади нее и мастурбировал. У мамы было всего пять классов образования и приданое, состоявшее из потрепанных кухонных полотенец, но она была очень красивой. Как только я думаю о ней, сразу представляю себе эту красоту. Волосы у нее были цвета шоколада из Тирольских Альп. Она всегда делала одну и ту же прическу — взбитые короткие кудри. Кожа у нее была не оливковой, как у всех родственников, а какого-то необычного оттенка, цвета бледно-розового недорогого золота. Карие глаза смотрели на мир с игривым сарказмом.

Она работала кассиром в магазине фруктов и овощей в центре Болоньи, на улице Сан-Феличе, проходившей через модный квартал. На этой улице располагались обувные и ювелирные магазины, парфю-

мерные салоны, табачные лавки и роскошные бутики одежды для женщин, которым не нужно было работать. Мама проходила мимо всего этого великолепия каждый день, утром и вечером. Она любовалась витринами: изысканной обувью из нежной кожи, сверкающими ожерельями.

Но прежде чем войти в этот торговый квартал, ей нужно было выйти из квартиры, спуститься по узким улочкам мимо кузнечной мастерской и козлиной бойни. В переулках воняло мочой и застоявшейся тухлой водой, которая скапливалась меж камней. Вот на этих улицах ее и преследовал тот мужчина.

Когда он впервые ее увидел? Думаю, в магазине. Красивая женщина в окружении роскошных свежих фруктов и овощей — посреди груд каштанов и сочных персиков, спелого инжира, белоснежных головок фенхеля, брокколи, гроздей томатов, на которых еще сохранилась огородная пыль, пирамид блестящих фиолетовых баклажанов, мелкой, очень сладкой клубники, блестящих вишен, винограда, хурмы... В этом же магазине торговали крупами, хлебом, таралли, фризелле, багетами, медными мисками и плитками шоколада для кулинарии.

Мужчине было за шестьдесят: лысеющий, с крупным носом и седой щетиной на впалых щеках. На голове бейсболка, как и у других стариков, которые с тросточками выходят на улицу для ежедневной прогулки.

Затем ему удалось проследить ее путь до дома, потому что, когда одним ранним майским утром мама открыла тяжелую дверь своего дома и вышла из мрака на яркий свет (в Италии почти во всех домах очень темные коридоры, свет там включается и выключает-

ся по таймеру, чтобы сократить расходы, а солнце не проникает сквозь толстые, холодные каменные стены), ее поджидал старик, которого она никогда не видела.

Он улыбнулся ей, она улыбнулась в ответ. А потом она пошла на работу, слегка размахивая недорогой сумочкой, в юбочке до середины икры. Мамины ноги даже в почтенном возрасте были поразительно женственными. Могу представить, что творилось в голове этого мужчины, когда он увидел ноги моей матери и пошел за ней. Мы веками жили под мужскими взглядами, и теперь гетеросексуальные женщины часто смотрят на других женщин так же, как это всегда делали мужчины.

Она, вероятно, чувствовала его присутствие, пересекая кварталы, проходя мимо торговца оливками, мимо винной лавки, где продавали портвейны и хересы. Но старик не просто шел за ней. Сворачивая за угол, мама боковым зрением уловила движение. В такой час на мощеных мостовых было пусто — еще только занимался рассвет. Мама повернулась и увидела, что из брюк мужчины торчит пенис, длинный, тонкий, твердый. Мужчина энергично наяривал рукой вверх-вниз, не отрывая взгляда от мамы. Он смотрел на нее так пристально, что могло показаться, что все происходящее ниже пояса управляется каким-то посторонним разумом.

В тот момент мама испугалась, но позже, за годы, прошедшие с того майского утра, ее страх поблек и превратился в сардоническое развлечение. За месяцы преследований этот человек появлялся возле ее дома несколько раз в неделю, а потом стал провожать ее от магазина до дома. На пике этих странных отношений он следовал за ней дважды в день.

Мама уже умерла, и я не могу спросить, как же она позволяла такое изо дня в день. Но я спросила мнение старшего брата, почему она ничего не сделала и никому ничего не сказала.

Дело было в Италии в шестидесятые годы. Полицейский просто ответил бы: «*Ma lascialo perdere, e un povero vecchio. E una meraviglia che ha il cazzo duro a sua età*» («Брось, это просто бедный старик. Удивительно, что в таком возрасте у него еще стоит»).

Мама позволяла этому мужчине мастурбировать, глядя на ее тело и лицо, прямо на улице, по пути на работу и обратно. Она была не из тех женщин, кому такое доставляет удовольствие. Но наверняка я не знаю. Мама никогда не говорила о своих желаниях. О том, что ее заводит, а что вызывает отвращение. Иногда казалось, что у нее вовсе нет собственных желаний. Что ее сексуальность — это лесная тропинка, никем не проторенная, которую можно угадать только по примятой высокой траве. А примял эту траву мой отец.

Отец любил женщин по-особому, и они считали его очаровательным. Он был доктором. Если медсестры ему нравились, он называл их «сладенькими», а если нет — «милочками». И он очень любил мою мать. Его влечение к ней было настолько очевидно, что мне даже неловко об этом вспоминать.

Хотя у меня не было повода спрашивать отца о его желании, в очевидной силе этого чувства, в силе мужского вождения было нечто такое, что меня завораживало. Мужчины не просто хотели. Им это было *необходимо*. Мужчина, который каждый день преследовал мою маму, нуждался в этом. **Президенты лишаются славы ради минета. Мужчина готов**

поставить на кон всю свою жизнь ради мгновенного наслаждения. Я не верю в то, будто у могущественных мужчин мира сего настолько мизерное эго, что они не способны понять: об их похождениях может стать известно всему свету. Я думаю, что просто их желание в тот момент настолько сильно, что все остальное — семья, дом, карьера — меркнет и превращается в каплю, холоднее и прозрачнее спермы. Превращается в ничто.

Начиная писать эту книгу, книгу о человеческом желании, я думала, что это будут истории о мужчинах. О жажде страстей. О том, как мужчины готовы перевернуть империю ради девушки, сидящей перед ними на коленях. И я начала разговаривать с мужчинами: философом из Лос-Анджелеса, учителем из Нью-Джерси, политиком из Вашингтона. Их истории поразили меня. Я пристрастилась к их рассказам, как человек может пристраститься к одному и тому же блюду из меню китайского ресторана.

История философа, красивого мужчины средних лет, началась с жалобы — жена больше не хотела с ним спать. Да и он больше не пылал к ней страстью: с годами ее привлекательность в его глазах поблекла. Позже он стал одержим татуированной массажисткой, к которой обратился по поводу боли в спине. Ранним утром он прислал мне сообщение: «Она говорит, что хочет сбежать со мной на Биг Сур». Когда мы с ним встретились в кофейне, он пылко описывал мне бедра этой массажистки. Его страсть не выглядела достойной, особенно учитывая непоправимые потери, которые он понес бы в браке. Скорее казалась поверхностной.